

поэтик, и их русские коллеги XVII в. В близкой к Аристотелю формулировке передает этот тезис Феофан Прокопович: «Поэт описывает деяния определенных лиц, что делает и историк: но историк излагает, как они были совершены, поэт же — как должны были совершиться».²²

Ломоносов первый ввел в «Риторике» 1748 г. новое теоретическое понятие «смешанного вымысла». Характеризуя его отличие от «чистого вымысла», он писал: «Смешанные вымыслы, которые состоят отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий, содержащих в себе похвалу славных мужей или какие знатные, в свете бывающие приключения, с которыми соединено бывает нравоучение».²³

Екатерина II в драматургических сочинениях на сюжеты из древней русской истории следовала, как мы видим, теоретическим выводам Ломоносова, изложенным в его «Риторике» 1748 г. Может быть, об этой книге она напоминала своему секретарю А. В. Козицкому как раз в 1786 г., когда была закончена работа над «историческим представлением» из жизни Рюрика: «Возьмите с собой, что у меня на столе лежит: переводы с старинных авторов, также Ломоносова, русские песни и лексикон двухсотязычный».²⁴

По-видимому, с этим новым, отличным от ортодоксального, представлением о характере драматического произведения, в котором отображаются не только вымышленные, но и достоверные обстоятельства, и связан заголовок исторических драм Екатерины II: «Историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил...» (разрядка наша, — Г. М.). Екатерина II опиралась на известия Иоакимовской летописи, сделанные достоянием науки В. Н. Татищевым — историком, труды которого она уважала, и ей представлялось, что она нарушает существовавшую устоявшуюся традицию, вводя в число действующих лиц театральной пьесы исторических лиц. Творческий опыт Шекспира, обработавшего в своих трагедиях исторические сюжеты, почерпнутые из древних хроник, служил Екатерине II в известной степени образцом, и естественно поэтому, что обе свои пьесы «из жизни» исторических деятелей Рюрика и Олега она назвала «подражаниями Шакеспиру».

Обращаясь к «баснословным» временам русской истории, Екатерина II была более свободна в комбинации разнородных материалов для придания хотя бы минимальной сценичности «историческому представлению», «вытянутому» по плоскости хронологической последовательности исторических событий, взаимосвязь которых в силу краткости летописных сообщений остается неясной. Это отсутствие прочного фундамента фактов в описании событий IX в. ясно ощущается в «Записках касательно российской истории». В театральном представлении эти «лакуны» должны были заполняться посредством различных сценических эффектов, живописных декораций, ярких и роскошных княжеских костюмов, хоров, музыки. Очевидно, что если бы Екатерина II решилась написать «историческое представление» о событиях, более близких к XVIII в., о которых известно значительно больше исторических фактов, она должна была бы искать новые формы сценической разработки исторического сюжета. В этом отношении у русской литературы XVIII в. был накоплен некоторый опыт: трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» была основана на тщательном изучении

²² Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 346.

²³ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., 1952, стр. 222—223.

²⁴ Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II к А. В. Храповицкому. 1783—1793. — Русский архив, т. XI, М., 1872, столб. 2067.